ЦИТАТЫ ВОЖДЯ

Berlin 1935

Когда людские сердца разбиваются от горя, а души разрываются от отчаяния, тогда из мглы прошедших времен на нас смотрят наши великие предки, не раз преодолевавшие нужду и заботу, позор и муку, духовную несвободу и физическое принуждение. Они смотрят на нас и протягивают нам, отчаявшимся смертным, свою вечную руку помощи!

Горе народу, стыдящемуся опереться на нее!

Адольф Гитлер, «МОЯ БОРЬБА»

I. НАЦИОНАЛЬНАЯ ВОЛЯ

Только Отечество!

(Речь 18.09.1922 в Мюнхене)

Государство – это не экономическая организация, а народный организм. Смысл и цель существования государства заключается в том, чтобы гарантировать народу нормальное питание и достойное место во власти.

(Заключительная речь 27.03.1924 перед народным судом в Мюнхене)

Политика есть ни что иное, и не может быть ни чем иным, кроме как соблюдением жизненно важных интересов народа, и практическим осуществлением всеми доступными средствами его борьбы за жизнь.

(Доклад 27.01.1932 в Дюссельдорфе)

Я полагаю, что ни одна другая революция в мировой истории не была запланирована и осуществлена с большей предусмотрительностью и благоразумием, чем наша.

(Речь 20.03.1934 в Мюнхене)

Национальная социалистическая революция смела прежнее государство предательства и клятвопреступления, вновь возродив на его месте империю чести, верности и порядочности.

(Прокламация 01.09.1933 в Нюрнберге)

Революция – это не перманентное состояние; революция – не самоцель. Вырвавшийся на свободу революционный поток должен быть направлен в надежное русло эволюции.

(Речь 06.07.1933 в Берлине)

Революция должна идти дальше, должна стать прекрасной порой расцвета нашего народа.

(Речь 20.03.1934 в Мюнхене)

Революции лишь устраняют политические режимы. Но кардинально изменить само положение вещей может только эволюция!

(Прокламация 05.09.1934 в Нюрнберге)

Народ, почитающий бесчестность естественной основой политической деятельности, становится политически беззащитным, чтобы затем быть порабощенным и экономически.

(Речь 18.09.1922 в Мюнхене)

На Земле нет ни одного народа, который обладал бы более разносторонними способностями, чем наш, немецкий народ.

(Речь 07.02.1934 в Берлине)

Мир … увидит, что то время, когда заграница могла еще рассчитывать на то, что ей удастся убивать немцев руками самих же немцев, уже прошло и не вернется больше никогда.

(Речь 22.10.1933 в Кельхайме)

Мы желаем вечного сохранения немецкого народа на этой Земле. Мы верим в то, что своей борьбой мы лишь исполняем волю Создателя, наделившего каждое живое существо инстинктом самосохранения. Да будет жить наш народ!

(Прокламация 01.09.1933 в Нюрнберге)

Есть мы, или нас нет – не имеет значения. Важно только одно – чтобы был наш народ!

(Речь 18.06.1934 в Гере)

Германия немецкого народа!

(Речь 28.07.1922 в Мюнхене)

Пусть говорят, что мы не слишком гуманны! Но, если мы спасем Германию, мы сделаем самое благое дело в мире. Пусть говорят, что мы не всегда справедливы! Но, если мы спасем Германию, мы устраним величайшую несправедливость в мире. Пусть говорят, что мы не достаточно нравственны! Но, если наш народ будет спасен, мы возродим истинную нравственность!

(Речь 20.04.1923 в Мюнхене)

Объединяющим нас началом должно стать сознание: от нашей воли зависит, чтобы из рабочих, из обывателей и пролетариев, из республиканцев и монархистов, из католиков и протестантов, из служащих и чиновников, из работников и работодателей, из всех этих разрозненных групп населения мы стали одним единым немецким народом!

(Речь 19.06.1933 в Эрфурте)

Мы боремся не за теории и догмы; мы сражаемся за существование немецкого народа.

(Речь 06.11.1933 в Киле)

Нам известна только одна программа, и эта программа такова: Борьбу нужно вести не ради какой-либо идеи, а ради того, чтобы эта идея служила немецкой нации.

(Речь 20.02.1933 в Кельне)

Только если все вы сами будете едины в своей воле спасти Германию, тогда Германия станет спасением для каждого немца.

(Речь 01.05.1933 в Берлине)

Я … никогда не считал формальное достижение власти хоть сколько-нибудь значимой заменой доверия нации. Я всегда добросовестно старался преобразовать авторитет власти в силу доверия. И теперь я с гордостью могу признать, что подобно тому, как наша национальная социалистическая партия всегда была укоренена в нашем народе, так и теперь мы, уже в качестве правительства, всегда думаем как народ, вместе с народом и о народе!

(Речь 30.01.1934 в Берлине)

Сила народа есть ни что иное, как единодушие и внутренние связи этого народа.

(Речь 26.02.1934 в Мюнхене)

Мы уже сформировали новое правительство; а через год мы выкуем новый народ!

(Речь 30.01.1934 в Берлине)

В своих воззрениях, мнениях и решениях национальный социализм исходит отнюдь не из интересов отдельного индивидуума или всего абстрактного человечества. В первую очередь мы думаем о благе нашего народа.

(Речь 02.10.1933 в Хамельне)

И мы тоже – лишь орудие в руках высшей необходимости.

(Речь 02.03.1934 в Мюнхене)

И в будущем мы намерены быть ни кем иным, кроме как исполнителями воли народа. И в будущем мы будем жить так, чтобы в глазах каждого немца мы по-прежнему оставались порядочными и честными людьми.

(Речь 26.02.1934 в Мюнхене)

Мы никогда не видели свою задачу в том, чтобы обеспечить себе власть с помощью штыков. Наша власть – только та, которую мы нашли и укрепили в сердцах нашего народа.

(Речь 13.07.1934 в Берлине)

Мы верим, что сможем с честью держать ответ за наши дела и поступки не только перед грядущим, но и перед прошлым.

(Речь 04.05.1923 в Мюнхене)

Я уверен, что народ ничто не ценит так высоко, как свою свободу и достойную жизнь.

(Речь 18.09.1922 в Мюнхене)

В этот народ мы верим, за этот народ мы сражаемся, за этот народ мы готовы, если понадобиться, отдать жизнь, как это уже сделали тысячи наших товарищей.

(Призыв на выборы 31.07.1932)

Народ, если ты забудешь о своей чести, тогда очень скоро ты лишишься жизни. Если ты бросаешь на произвол судьбы одно, тебе придется отказаться и от другого.

(Речь 04.03.1933 в Кенигсберге)

Если народ становится многонациональным, он перестает быть хозяином своей собственной судьбы. Такой народ превращается в игрушку для чужеродных сил.

(Речь 27.04.1923 в Мюнхене)

Немецкий народ! Ты силен, когда ты един. Чтобы быть сильным, тебе нужно победить в своем сердце дух классовой вражды и раздора.

(Речь 01.05.1933 в Берлине)

А известно ли вам, что я собрал вокруг себя целый штаб из специалистов в экономической, социальной и политической областях жизни, единственная задача которых – упражняться в критике? Как только мы заканчиваем разработку какого-либо закона, я выношу его проект на рассмотрение

этих людей и спрашиваю их: «Пожалуйста, что здесь неправильно?». При этом они знают, что мне не нужны советчики, умеющие только «поддакивать». Наоборот, мне требуется от них аргументированная критика тех недостатков наших мероприятий, которые способны затруднить их проведение в жизнь.

(Интервью 03.04.1934 в Берлине)

Уж если наш народ в чем и нуждается, то только не в парламентских вождях. Нашему народу нужны руководители, обладающие решимостью делать все, что они сочтут правильным перед Богом, миром и собственной совестью. Причем, если понадобиться, и вопреки господствующей на данный момент точке зрения внушаемого большинства.

(Речь 27.04.1923 в Мюнхене)

Если либеральное мировоззрение обожествляет отдельного индивидуума (т.е. декларирует свое якобы одинаковое отношение к каждому индивидууму), и готово при этом пожертвовать целым народом, то национальный социализм имеет своей целью именно сохранение народа как такового, даже если для этого придется пожертвовать чьими-либо интересами.

(Речь 02.10.1933 в Хамельне)

Не число имеет решающее значение, а воля. Умело направляемая воля меньшинства всегда будет брать верх над аморфным безвольным большинством.

(Речь 05.09.1923 в Мюнхене)

Залог силы не в большинстве, а в решимости идти на жертвы.

(Речь 05.09.1923 в Мюнхене)

Мировая история всегда делалась активным меньшинством.

(Речь 12.04.1922 в Мюнхене)

История никогда не делалась числом!

(Речь 12.09.1923 в Мюнхене)

Еврейская демократия, правящая якобы от имени большинства, всегда была и будет лишь средством … уничтожения истинно арийского принципа вождизма!

(Речь 12.04.1922 в Мюнхене)

Мы хотим на месте этого многопартийного государства снова утвердить немецкое народное государство!

(Речь 20.02.1933 в Кельне)

Мы намерены … также и в будущем как минимум раз в год предоставлять народу возможность официально выражать свое мнение о нас.

(Речь 26.02.1934 в Мюнхене)

Немецкий народ получит новую организацию формирования политической воли. Эта организация будет построена на идее авторитета, идее руководства снизу доверху. Только такая организация может служить гарантией максимальной концентрации немецкой мощи!

(Речь 06.11.1933 в Элбинге)

Если какому-либо народу вдруг покажется, что ему удастся выстоять в борьбе за существование не прилагая для этого никаких целенаправленных усилий и не проявляя мужества, то пусть он тогда не жалуется, когда его одолеют нужда и страдания.

(«Программа Адольфа Гитлера», призыв на выборы 31.07.1932)

Это государство переживает сейчас пору своей юности. По прошествии столетий оно достигнет зрелости, и можете быть уверены - ему суждено прожить не одну тысячу лет!

(Речь 18.06.1934 в Гере)

Та цель … во имя которой наш народ сражался на протяжении тысячелетий, многие поколения терпели страдания, а миллионы немцев должны были умереть, эта цель такова:

свободный немецкий народ,

живущий в сильном и независимом национальном немецком государстве!

(Речь 01.05.1934 в Берлине)

Народ, говорящий на одном языке, имеющий единую культуру, переживший одну общую историю, сформировавшую его судьбу, такой народ не может не стремиться к достижению единства также и в своем руководстве.

(Прокламация 01.09.1933 в Нюрнберге)

Германские племена – это освященный Господом строительный материал нашего народа. Они – его плоть и кровь, и будут оставаться таковыми столько, сколько будет жив немецкий народ.

(Речь 30.01.1934 в Берлине)

Ни Пруссия, ни Бавария, ни какая-либо другая из земель не являются тем, что можно было бы назвать главной опорой нашего Рейха. Сильное государство никогда не было и никогда не будет просто набором территорий. Главная и единственная надежная опора нашего государства – немецкий народ и национальное социалистическое Движение.

(Прокламация 01.09.1933 в Нюрнберге)

Мы – один народ, и хотим жить в своем едином государстве!

(Речь 16.10.1933 в Мюнхене)

Наша революция имеет три основные задачи, которые никоим образом не противоречат интересам всего остального мира: Первое: Устранение угрозы коммунистического переворота и построение народного государства, неукоснительно соблюдающего баланс интересов различных социальных классов и сословий, сохранение понятия собственности как основы нашей культуры. Второе: Решение тяжелейшей социальной проблемы путем возвращения миллионной армии наших, достойных всяческого сочувствия, безработных обратно на производство. Третье: Восстановление стабильного и авторитетного государственного руководства, опирающегося на доверие и волю нации; руководства, которое снова вернет этому великому народу способность выполнять свои обязательства перед миром.

(Речь 17.05.1933 в Берлине)

С моей стороны было бы нечестным утверждать, что теперешняя жизнь Германии (имеется в виду – до национального социалистического возрождения) уже полностью контролируется из вне, что вся наша внутренняя жизнь подчинена примату внешней политики. Хотя, лиха беда - начало, можно докатиться и до того, что жизнь какого-нибудь народа перестанет быть его внутренним делом, а

окажется в абсолютной зависимости от воли иностранцев и будет полностью определяться внешнеполитической коньюнктурой. Нельзя, однако, сказать, что такое положение является нормальным или желательным. Просто, так может случиться. И тогда самое главное – чтобы этому народу удалось создать предпосылки для изменения такого положения.

(Доклад 27.01.1932 в Дюссельдорфе)

Именно потому, что мы – националисты, мы уважаем национальные чувства других народов. Наша национальная гордость заключается не в том, чтобы презирать других, а в том, чтобы уважать и любить свой народ!

(Речь 01.08.1923 в Мюнхене)

Не ненависть к другим народам, а любовь к немецкой нации!

(Речь 24.10.1933 в Берлине)

То, под чем мы ставим свою подпись, мы выполняем; под тем же, чего мы выполнить наверняка не сможем, мы и не подписываемся!

(Речь 28.10.1933 в Штуттгарте)

Мы желаем мира и взаимопонимания, и ничего иного! Мы готовы протянуть руку дружбы нашим прежним оппонентам. Под самыми печальными и кровавыми строками мировой истории должна быть навсегда подведена черта.

(Речь 10.11.1933 в Берлине)

Четырнадцать лет подряд немецкий народ шел поистине самоубийственным путем, пытаясь проводить политику умиротворения своих непримиримых врагов, тщась, таким образом, внести свой вклад в дело построения нового содружества европейских государств. Неверный путь привел к печальным результатам.

(Речь 30.01.1934 в Берлине)

Тот, кто чувствует за собой свой народ, тот чувствует и свою ответственность за то, чтобы не растрачивать легкомысленно кровь этого народа. Он неуклонно и в первую очередь будет думать о соблюдении интересов народа в вопросах мира, работы и культуры.

(Речь 26.02.1934 в Мюнхене)

Тот, кто представляет во власти интересы всего своего народа, тот всегда сначала хорошо обдумает все последствия, которые может повлечь за собой спровоцированная соседом ссора, прежде чем ввязаться в нее.

(Речь 26.02.1934 в Мюнхене)

Не надо приписывать мне такое безумие, как желание войны.

(Речь 10.11.1933 в Берлине)

Я знаю, что такое война. Я был солдатом и видел все собственными глазами, в отличие от очень многих других государственных деятелей, которые сами этого никогда не переживали. И я, разумеется, отвергаю войну. Но отвергаю я ее не как изменник, предатель и трус, а как порядочный немец, честно выполнивший свой воинский долг на фронте, и желающий оставаться порядочным до конца. Поэтому я в равной мере не оставлю на произвол судьбы ни права немецкого народа на жизнь, ни его права на честь.

(Речь 06.11.1933 в Эльбинге)

Смысл нашей политической борьбы заключается … не в завоевании или покорении других народов, но в сохранении и обеспечении нашего собственного народа.

(Речь 02.10.1933 в Хамельне)

Теперь мы знаем наверняка, что … народ-раб … никогда не обретет рая, а обречен на вечный ад или колонию.

(Речь 12.04.1922 в Мюнхене)

До тех пор, пока это зависит от Германии, войне не бывать!

(Интервью 05.08.1934 в Берлине)

В следующем столетии немецкому народу уже не понадобиться вновь подтверждать славу своего оружия.

(Речь 07.08.1934 в Танненберге)

Мы не позволим более обращаться с нами, как с нацией второго сорта.

(Речь 24.10.1933 в Берлине)

Разве может хоть сколько-нибудь умалить нашу честь то, что однажды своре из 26 государств удалось одержать над нами военную победу?

(Речь 30.10.1933 во Франкфурте на Майне)

Самонадеянные попытки примерно «наказать» большой народ путем удаления его с исторической сцены не могут продолжаться вечно, и однажды им непременно будет положен конец. Сколько еще можно всерьез рассчитывать на то, что великая нация будет и далее покорно терпеть подобную несправедливость по отношению к себе? Что значит сиюминутный произвол победителей в сравнении с веками исторического развития? Немецкий народ обязательно вернет себе свое законное место среди европейских народов.

(Речь 17.05.1933 в Берлине)

Никогда мы не откажемся ни от одного из тех прав, что являются неотъемлемым достоянием любой из великих наций. Даже - если эти наши права уже были пущены с молотка жалкой кучкой грязных политиков. Эти политики оказались проходящими, а вот Германия останется вечной!

(Прокламация 05.09.1934 в Нюрнберге)

Делайте, что хотите! Вам никогда нас не сломить, не заставить смириться с вашим ярмом! Вам больше не удастся принудить немецкий народ отказаться от его требования равноправия с другими народами!

(Речь 01.05.1933 в Берлине)

Мы хотим быть миролюбивыми. Но – ни в коем случае не лишенными чести!

(Интервью 16.01.1935 в Берхтесгадене)

Нельзя рассчитывать создать долговременный союз государств Европы, если нации, в него входящие, будут не равны в своих правах.

(Речь 24.10.1933 в Берлине)

Германия требует своего равноправия. Никто в мире не имеет права лишать этого великую нацию, и ни у кого не хватит сил долго удерживать ее в таком положении.

(Речь 30.01.1934 в Берлине)

Я полагаю, что и сегодня все еще достаточно хорошо знаю свою родину (немецкую Австрию) и ее народ, чтобы быть уверенным в том, что кровь, пульсирующая в жилах 66 миллионов немцев в Рейхе, движет сердцами и мыслями также и там.

(Речь 30.01.1934 в Берлине)

Мы … убеждены, что … наши отношения с Францией могли бы быть урегулированы путем действительно активной работы обеих правительств над решением разделяющих нас проблем.

(Речь 23.03.1933 в Берлине)

4 августа 1914 года я чувствовал себя глубоко несчастным оттого, что два великих германских народа (немцы и англичане), мирно живших один подле другого много сотен лет, невзирая на все ошибки и смуты человеческой истории, все-таки удалось столкнуть друг с другом в братоубийственной войне. Я был бы счастлив, если бы этот злосчастный психоз наконец закончился и обе родственные нации смогли бы вновь обрести прежнюю дружбу.

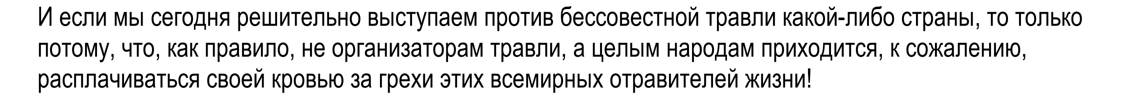
(Интервью 18.10.1933 в Берлине)

Основной принцип, которым руководствуется немецкое правительство в своей внешней политике, заключается в том, что наше отношение к другим странам определяется отнюдь не тем, какого рода конституцию и форму правления избрали для себя народы этих стран. И мы считаем такой уважительный подход само собой разумеющимся.

(Речь 30.01.1934 в Берлине)

С Советским Союзом правительство Рейха намерено развивать дружественные и взаимовыгодные отношения. Именно наше правительство, - правительство национальной революции, - считает себя особо расположенным к такой позитивной политике по отношению к Советской России. Борьба же против коммунизма в Германии является нашим внутренним делом, вмешательства в которое извне мы не потерпим никогда. Межгосударственные отношения с другими державами, с которыми нас связывают общие интересы, никак этим не затрагиваются!

(Речь 13.03.1933 в Берлине)

И если мы сегодня решительно выступаем против бессовестной травли какой-либо страны, то только потому, что, как правило, не организаторам травли, а целым народам приходится, к сожалению, расплачиваться своей кровью за грехи этих всемирных отравителей жизни!

(Речь 14.10.1933 в Берлине)

Те, кто стравливают народы друг с другом, представляют собой настоящую интернациональную банду, лишенную корней. Эти люди – повсюду, но нигде они не дома.

(Речь 10.11.1933 в Берлине)

Те же самые элементы, что подталкивали наш народ к гражданской войне, стравливают сегодня народы мира друг с другом.

(Речь 06.11.1933 в Киле)

Нет лучшей гарантии мира, чем фанатичное единство немецкого народа!

(Речь 22.10.1933 в Кельхайме)

Армия для нас – представительное и реальное выражение силы нации для защиты своих интересов вовне.

(Открытое письмо 14.10.1931 к Брюнингу)

Мужчиной является только тот, кто защищает себя и других как подобает мужчине. Также и народом являются только те, кто способен, если потребуется, выступить как единый народ навстречу любым испытаниям. Это – не милитаризм, а закон самосохранения.

(Речь 27.04.1923 в Мюнхене)

В Германии есть только одна вооруженная структура, и это армия.

(Речь 14.10.1933 в Берлине)

Немецкое правительство перестанет в дальнейшем отклонять требования по ограничению наших вооружений, как чрезмерные, лишь в том случае, если точно такие же ограничения будут введены и в других странах.

(Речь 17.05.1933 в Берлине)

Немецкий народ уже выполнил и перевыполнил свои обязательства по разоружению. Теперь пора бы и другим, по-прежнему вооруженным, государствам принять на себя и выполнить аналогичные обязательства.

(Речь 14.10.1933 в Берлине)

Национальное социалистическое движение стало Германским Рейхом, стало немецким государством. Раньше мы были оппозицией, а сегодня под нашим знаменем марширует вся немецкая нация!

(Прокламация 01.09.1933 в Нюрнберге)

Я создал … совершенно новое движение. Движение, которое с самого своего зарождения и вопреки всем явлениям распада в окружавшей его действительности вновь созидало народную общность.

(Речь 10.11.1933 в Берлине)

Когда в 1919 году было вызвано к жизни национальное социалистическое движение, чтобы на месте марксистско-демократской республики утвердить новый Рейх, то предприятие это казалось некоторым безнадежной глупостью. И это были как раз те самые умники, чье поверхностное знание истории давало им повод иронизировать над нашими попытками. Сии благоразумные господа в лучшем случае удостаивали нас своими глумливо-соболезнующими ухмылками.

(Прокламация 01.09.1933 в Нюрнберге)

Одно … является первой задачей этого движения: оно стремится возродить в каждом немце национальное чувство, чтобы для него его Отечество снова стало превыше всего.

(Речь 17.04.1923 в Мюнхене)

И рядовой штурмовик, и командир штурмового отряда не могут быть никакими иными, кроме как верными, исполнительными, дисциплинированными, решительными, готовыми к самопожертвованию, - или они не штурмовики.

(Обращение 09.09.1934 в Нюрнберге)

Я хотел бы попросить наших ребят, чтобы они брали себе в пример старших (в Движении). Тогда они узнают, что быть национальным социалистом значит не только - производить внешнее впечатление такового. Дело ведь не в коричневой рубашке, партийных собраниях и количестве «кубиков» в петлице. А дело в том, во имя чего бьется ваше сердце!

(Речь 20.03.1934 в Мюнхене)

Политическое руководство какой-либо нации самое существенное свое отличие от остального народа должно видеть не в запредельном уровне потребления всяческих благ, а в гораздо более строгой самодисциплине!

(Речь 07.02.1934 в Берлине)

Если от народа требуют слепого доверия к власти, то и эта власть обязана заслужить доверие народа своими очевидными достижениями и даже самим своим поведением. Конечно, от ошибок и заблуждений не застрахован никто, - их просто нужно вовремя устранять. Скверное же поведение обличенного властью … является абсолютно недостойным вождя, не совместимо с национальным социализмом, и в высшей степени отвратительно.

(Речь 13.07.1934 в Мюнхене)

Едва ли какая-нибудь другая революция такого масштаба происходила столь же дисциплинированно и бескровно, как этот подъем немецкого народа … Моя воля и твердое намерение – позаботиться о том, чтобы и в будущем события развивались столь же спокойно.

(Речь 23.03.1933 в Берлине)

Для них (тех, кто принадлежит к Движению) недостаточно просто признаться: «Я верю»; для них есть клятва: «Я буду сражаться!»

(Речь 10.09.1934 в Нюрнберге)

Мы хотим - всегда быть достаточно решительными, чтобы действовать; в любое время быть готовыми, если понадобиться, умереть; и - не сдаваться никогда!

(Речь 09.11.1934 в Мюнхене)

Организация политического движения остается все-таки явлением формального порядка, даже если организовано все гениально, а само движение выступает за правое дело. Истинную ценность любому движению придают только люди. Люди, которые, руководствуясь смыслом этого движения, воплощают его идеи в жизнь.

(Речь 01.05.1934 в Берлине)

Все за одного и каждый за всех!

(Речь 07.09.1934 в Нюрнберге)

Движение … должно обращать особое внимание на то, чтобы решающим для его основного состава фактором считалась не численность, а личные и деловые качества его членов и их духовная однородность. Все Движение должно знать, что и в будущем отбор его членов будет производиться по тем же жестким правилам, какие установила для нас в прошлом суровая судьба.

(Речь 03.09.1933 в Нюрнберге)

Величайшая миссия национального социалистического движения заключается в том, чтобы навести мосты между людьми, принадлежащими к различным профессиям и занимающими разное социальное положение, - между всеми теми, из кого и состоит наш народ.

(Речь 27.05.1933 перед немецким населением Данцига)

Не потому мы четырнадцать лет боролись, что просто желали власти, а для того, чтобы вернуть наш народ к жизни. Борьба и труд во имя народа – только это может нас всех спасти!

(Речь 30.10.1933 во Франкфурте на Майне)

Требования, которые предъявила эта борьба нашему Движению, были суровы. Для того, чтобы выносить насмешки и издевки, требовалось не меньше гордого мужества, чем героизма и храбрости для того, чтобы защищаться от ежедневной клеветы и травли. Десятки тысяч борцов за национальный социализм были ранены, многие были убиты. Множество наших людей было отправлено в тюрьму, сотни тысяч были выкинуты с работы, либо как-нибудь иначе лишены средств к существованию.

(Речь 30.01.1934 в Берлине)

Сегодня я знаю: Даже если бы судьбе было угодно отозвать лично меня, то и в этом случае борьба была бы все равно продолжена другими. Путь указан. И прекратить эту борьбу больше не сможет ни кто и ни что. Порукой тому – наше Движение!

(Речь 10.05.1933 в Берлине)

II. СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА

Всемирная идея наступления века либерализма сменяется интернациональной идеей марксистского социализма, а тот, в свою очередь, кончается анархическим хаосом или коммунистической диктатурой.

(Речь 05.09.1934 в Нюрнберге)

Развитие общества, исходящее из либерализма прошлого века, находит свой конец в коммунистическом хаосе.

(Речь 23.03.1933 в Берлине)

Сохранение многочисленного среднего класса настолько же необходимо для существования здорового уравновешенного народного организма, насколько оно же создает необходимые предпосылки для поддержания должного порядка в вопросах собственности.

(«Программа Адольфа Гитлера», призыв на выборы 31.07.1932)

Пожалуй, можно сказать, что и в нашем обществе есть слой духовно развитых людей. Но им не достает энергии. Все мы слишком переоценили значимость чисто механических знаний и, вследствие этого, перестали чувствовать свой народ, отдалились от него. Не случись этого, евреям никогда бы не удалось так внедриться в наш народ.

(Речь 27.04.1923 в Мюнхене)

Я знаю свой народ и хочу сказать нашим интеллектуалам только одно: Любое государство, построенное на идеях, доступных пониманию лишь узкого круга интеллектуалов, построено слабо!

Корпус немецких государственных служащих должен снова стать тем, чем он был в прежние времена!

(Речь 01.08.1923 в Мюнхене)

Средний класс спасут отнюдь не упражнения в критике и туманные теории. Напротив, именно его процветание или гибель зависят от спасения или гибели крестьянства и рабочих.

(Речь 01.05.1934 в Берлине)

Правые партии пассивны до крайности. Они меланхолично созерцают приближение всемирного потопа.

(Речь 24.04.1923 в Мюнхене)

Я … не понимаю, как это можно, подобно Центру (одна из групп депутатов Рейхстага – *прим. переводчика*), много и горячо выступать против безбожников, одновременно заключая с этими же безбожниками договора.

(«Программа Адольфа Гитлера», призыв на выборы 31.07.1932)

Демократия: нечто в принципе не немецкое, зато – очень еврейское.

(Речь 12.04.1922 в Мюнхене)

При этом мы постоянно встречаем два знаменитых лозунга - «свобода» и «демократия», используемые, я бы сказал, в качестве вывески. В структурах, которым принадлежит реальная власть, под «свободой» подразумевается их возможность грабить широкие массы населения, без каких-либо ограничений, и не встречая хоть сколько-нибудь серьезного сопротивления.

(Речь 28.07.1922 в Мюнхене)

А что, собственно говоря, такое весь этот либерализм, «наша» пресса, что такое биржа и что есть масонство? Инструменты евреев!

(Речь 13.04.1923 в Мюнхене)

Тысячи престарелых пенсионеров, представителей среднего класса, работников науки, военных вдов вынуждены продавать свои последние ценности за ничего не стоящие бумажки … И последние крохи национального богатства, принадлежащего всему немецкому народу, так вот, «играючи», переходят в руки ненасытного еврейства, норовящего захапать себе абсолютно все … Миллионы людей, экономивших всю свою жизнь, чтобы хоть на старости лет пожить по-человечески, были цинично обмануты и лишены всего!

(Речь 21.08.1923 в Мюнхене)

Все, что было великого, высокого и святого, втоптано в грязь.

(Речь 27.03.1924 в Мюнхене)

Если уважение к закону ослабло, то еще и потому, что закон и мораль … (при марксистском режиме) перестали быть идентичными понятиями.

(Речь 27.03.1924 в Мюнхене)

Произошла полная подмена всех понятий: То, что раньше было хорошим, стало считаться плохим, а что было плохим вдруг превратилось в хорошее. Герой стал презираем, трус – почитаем; добросовестность оказалась наказуема, нерадивость – вознаграждаема. Приличного человека уже не ждало ничего, кроме насмешек; опустившийся же, наоборот, стал образцом для подражания. Сила стала вызывать осуждение, слабость – восхищение. Полноценность человеческой личности перестала что-либо значить. Ее место заняло количество, численность, т.е. восторжествовала неполноценность, ущербность. Степень бессовестности в обливании грязью исторического прошлого стала сравнима разве что со степенью беззаботности в отречении от исторического будущего для своего народа.

(Речь 30.01.1934 в Берлине)

Утверждение, что все люди способны руководить сами или, по крайней мере, решать, кто будет руководить, скажем, поместьем или фабрикой, разумно опровергается. А вот утверждение, что все они способны руководить государством или выбирать руководство этого государства, «освящено» именем демократии и не подвергается никакому сомнению. Противоречие одного другому – очевидно!

(Речь 03.09.1933 в Нюрнберге)

Интернационализм и демократия – два неразрывных понятия.

(Доклад 27.04.1932 в Дюссельдорфе)

Германия … превращена в колонию иностранцев. У тех, кто питал иллюзии относительно идеалов интернационала, появилась, наконец-то, реальная возможность испробовать его диктат на себе. Они получили свое интернациональное государство: Германией правит интернациональный капитал.

(Речь 27.04.1923 в Мюнхене)

Демократы и те, кто левее, партии, настроенные пацифистски или просто антинемецки, не находят нужным чего-либо требовать для своего народа, согласны с его порабощением и готовы договориться с его врагами на любых условиях.

(Речь 04.05.1923 в Мюнхене)

Теперешние органы государственной власти являются … ничем иным, как исполнительными органами наших внешних врагов.

(Речь 27.03.1924 в Мюнхене)

Позорное клеймо ноябрьских преступников останется лежать на этих людях и по прошествии столетий!

(Речь 12.09.1923 в Мюнхене)

Число немцев, действительно искренне приверженных постулатам Веймарской конституции, составляло лишь доли процента. И это – несмотря на отупляющее действие и беспощадное применение государственного насилия, ознаменовавшего собой конец Веймарского режима.

(Речь 23.03.1933 в Берлине)

Кто же они, собственно, такие, эти масоны? Различают два их уровня. К нижнему уровню в Германии принадлежат те обыкновенные среднестатистические граждане, которым льстит сама возможность приобщиться к некой тайной и могущественной силе. Рассчитанное именно на такую, в общем-то, недалекую публику масонское словоблудие дает им иллюзорное ощущение собственной значимости, посвященности и приобщенности к решению мировых проблем. Но те, кто принадлежат к верхнему уровню масонства и действительно принимают решения, - это люди совершенно иного плана. Они, подобно хамелеону, способны принимать любую окраску, приспосабливаться к любой обстановке. Господин Ратенау – яркий представитель этой породы. Они все похожи друг на друга и хорошо знают друг друга. Именно они в действительности правят этим миром, действуя «через голову» разнообразных королей и президентов, и манипулируя ими. Беззастенчиво присваивая себе все государственные и иные властные посты, они безжалостно и со знанием дела обращают народы в рабство. Они – евреи!

(Речь 13.04.1923 в Мюнхене)

Совершенно естественным было бы ожидать, что «государственный деятель», успешно доказавший свою полную профессиональную несостоятельность, исчезнет с политической сцены навсегда. Ан – нет. В парламентарном государстве подобный субъект может запросто вернуться обратно во власть и снова получить ответственную должность.

(Речь 04.05.1923 в Мюнхене)

Парламентаризм в Германии … есть упадок и гибель немецкой нации.

(Речь 04.05.1923 в Мюнхене)

Под марксизмом я понимаю учение, принципиально отвергающее ценность личности и на место энергии ставящее массу, количество.

(Речь 26.02.1924 в Мюнхене)

Они захлебнутся в своих трусливых компромиссах.

(Речь 27.05.1933 перед немецким населением Данцига)

Марксизм неизбежно впадает не только в политический, но и в культурный нигилизм.

(Речь 01.09.1933 в Нюрнберге)

Крах (марксистского) социализма в Германии заключается в том, что шестидесяти миллионный народ в результате оказался в рабстве у капитализма, а точнее – у интернационального мирового капитализма.

(Приложение к «Речам Адольфа Гитлера»: Изречения Адольфа Гитлера)

Преобладание в обществе индивидуализма – показатель старения народа, приближения его смерти.

(Речь 01.05.1923 в Мюнхене)

Народы становятся склонны к интернационализму, когда в них угасает способность к творчеству.

(Речь 01.05.1923 в Мюнхене)

Все, что действительно имеет ценность для человеческой культуры, никогда не создавалось благодаря интернационализму, а всегда было проявлением творческого начала конкретной нации.

(Речь 01.05.1923 в Мюнхене)

Быть пацифистом - значит быть беспринципным и бесхарактерным. Пацифист не отказывает себе в праве рассчитывать на альянсы с другими политическими силами, а равно и милостиво возлагает физическую защиту своей особы на тех, кто не отягощен пацифистскими убеждениями. Единственное, в чем он принципиален, так это в своем нежелании вести борьбу за утверждение своих идей самостоятельно. Точно также обстоит дело и с народом. Народ, не готовый защищаться до последнего, - бесхарактерный народ.

(Речь 27.04.1923 в Мюнхене)

Германское государство, построенное на принципах интернационализма, - это рай для евреев.

(Речь 27.04.1923 в Мюнхене)

Марксизм, как идеология разобщения нации, своим наметанным глазом сразу же распознал в профсоюзном движении смертоносное оружие для сокрушительной атаки на государство и общество. Но - не ради того, чтобы помочь рабочим, вовсе нет. Что значат для этих апостолов интернационализма рабочие какой-либо страны? Да ни чего не значат! Они их в упор не видят. Рабочие для этих господ – не люди, а расходный материал для воплощения их замыслов, инородный сброд!

(Речь 10.05.1933 в Берлине)

Революционный переворот может быть оправдан лишь в том случае, если он, в конечном итоге, действительно служит лучшему сохранению национальной идентичности и продолжению жизни народа. И именно это является единственным оправданием для (не марксистского) социализма!

(Речь 16.05.1934 в Берлине)

Бисмарк сказал однажды, что либерализм прокладывает дорогу социал-демократии. Мне нет нужды добавлять, что социал-демократия, в свою очередь, прокладывает дорогу коммунизму.

(Речь 10.05.1933 в Берлине)

Глубинная суть и смысл коммунистического процесса заключается в попытке расколоть на части народы, имеющие неоднородный расовый состав, чтобы затем, воспользовавшись обострением противоречий внутри этих народов, сменить их правящий слой на новый, в данном случае – еврейский.

(Речь 07.02.1934 в Берлине)

Но коммунизм прокладывает дорогу смерти, смерти целых народов, дорогу гибели!

(Речь 10.05.1933 в Берлине)

Борьбой вернули мы себе свою страну; теперь мы должны закрепить свою победу миром!

(Речь 12.07.1933 в Берлине)

Внешнее проявление силы какого-либо народа обусловлено силой его внутренней организации. Сила же внутренней организации народа, в свою очередь, зависит от твердости общей позиции по известным основополагающим вопросам.

(Доклад 27.01.1932 в Дюссельдорфе)

Существует … только две возможности: или победа арийцев, или их уничтожение и победа евреев.

(Речь 12.04.1922 в Мюнхене)

Евреи не только калечат людей физически и духовно (в качестве капиталистов и собственников – путем нещадной эксплуатации), но и разрушают их через кровь, целенаправленно плодя гибридов. Все больше евреев проскальзывает в семьи сильных мира сего, подсовывая им еврейских жен. Результатом явилось то, что за короткое время именно руководящий слой общества стал абсолютно чужд своему собственному народу.

(Речь 28.07.1922 в Мюнхене)

Если евреи всерьез надеются, что им когда-нибудь удастся одержать над нами окончательную победу, то мы хотели бы их кое о чем предупредить. Во-первых, германец во всех смыслах устроен покрепче, чем еврей. Во-вторых, народ, за спасение которого было заплачено двумя миллионами погибших в Мировой войне, обязательно найдет в себе силы отомстить за каждую жизнь,

погубленную врагами внешними, и за каждую смерть, обессмысленную предателями и преступниками в тылу.

(Приложение к «Программе Адольфа Гитлера»: Изречения Адольфа Гитлера)

Многие поддались внушению и предпочитают более не замечать, что евреи являются отдельной обособленной расой. Однако, найдется ли еще хоть один народ, который, расселившись по всему миру, продолжал бы оказывать поддержку представителям своей расы с такой же исступленной решимостью, как это делают евреи?

(Речь 20.04.1923 в Мюнхене)

То, что евреи из биржевых спекулянтов могут вдруг переквалифицироваться в вождей рабочего движения, - ложь столь циничная, что примеров ей найдется не много даже в мировой истории.

(Речь 28.07.1922 в Мюнхене)

Ариец считает труд основой сохранения общества, еврей видит в нем лишь способ эксплуатации других народов.

(Речь 12.04.1922 в Мюнхене)

Еврей всегда был и вовеки останется прирожденным капиталистом - эксплуататором самой гнусной разновидности!

(Речь 28.07.1922 в Мюнхене)

Евреям … еще ни разу не удавалось стать основателями какой-либо культуры. Зато чужих культур они уничтожили сотни.

(Речь 28.07.1922 в Мюнхене)

Еврейство: народ, весьма мало склонный к созиданию … Еврей … это демон разрушения в народном организме, симптом процесса разложения народов.

(Речь 01.05.1923 в Мюнхене)

Евреи … не из тех, кого можно было бы назвать народом-хозяином. Они – народ-паразит, народ-грабитель.

(Речь 28.07.1922 в Мюнхене)

В действительности еврею никогда не «стать» немцем, сколько бы тот ни утверждал обратное. Чтобы «стать» немцем, ему пришлось бы отказаться от своей принадлежности к еврейству. Что для него абсолютно невозможно. Внутренне еврей не может органично влиться в немецкую национальную среду по целому ряду причин: 1. по крови, 2. по природной сути, 3. по направленности устремлений и 4. из-за влияния этой среды.

(Речь 20.04.1923 в Мюнхене)

Мы намерены устранить все те незначительные противоречия, которые нас разделяют, чтобы ни что не мешало нам видеть то Великое, что нас объединяет. Это должно сплотить тех, в ком еще бьется немецкое сердце и жива любовь к своему народу, и поднять их на борьбу против общего заклятого врага всех арийцев.

(Речь 12.04.1922 в Мюнхене)

Мы … предприняли попытку ввести лучший социальный порядок, при котором, благодаря проведению ряда государственных мероприятий, стало возможным заключение большого числа новых браков, а значит – и высвобождение множества девушек с производства, и возвращение их в семью и дом.

(Речь 21.03.1934 в Унтерхахинге)

Семья … это самая малая, но и самая ценная составная часть во всей структуре государства.

(«Программа Адольфа Гитлера», призыв на выборы 31.07.1932)

Труд делает честь женщине, как и мужчине. Но рождение и воспитание ребенка приносит женщине еще больше – дает ей право называться высоким именем матери.

(«Программа Адольфа Гитлера», призыв на выборы 31.07.1932)

Национально-социалистическая расовая идея, и лежащие в ее основе научные знания, ни в коем случае не ведут к дискриминации или недооценке других народов. Наоборот, наша идея направлена только и исключительно на осознание задачи, поставленной перед нами самой жизнью: спасение и сохранение нашего собственного народа средствами, адекватными сложившемуся положению.

(Речь 30.01.1934 в Берлине)

Мы хотим осушить болота; сделать пахотными неплодородные земли и улучшить их агротехнические показатели; по мере возможности создать нашему народу такие условия жизни, при которых он сам смог бы обеспечивать себя всем необходимым.

(Интервью 03.04.1934 в Берлине)

В сердцах молодежи не будет более места для предвзятости, непомерного самомнения и надменности, коими отличались некоторые слои общества предыдущих поколений. Потому что наша нынешняя молодежь имеет равные возможности в жизни, вместе марширует, вместе поет песни нашего Движения и Отечества, и верит в Германию, принадлежащую только ей.

(Речь 10.09.1934 в Нюрнберге)

И даже если стоящие слева и справа с ослиным упрямством продолжают бубнить: «Уж нас-то вам (национальным социалистам) не заполучить никогда», я скажу: «Нам это и безразлично; а вот ваши дети обязательно придут к нам. Их мы с самого начала будем воспитывать в духе совершенно иных идеалов, и, прежде всего, мы научим их видеть друг в друге товарищей.»

(Речь 10.11.1933 в Берлине)

Все то, что и в будущем будет вести немецкий народ по пути национального социализма, может быть основано только на последовательном воспитании.

(Речь 26.02.1934 в Мюнхене)

Целенаправленное воспитание народа требует многих десятилетий.

(Прокламация 01.09.1933 в Нюрнберге)

Почитание великих людей должно снова стать святым заветом для немецкой молодежи.

(Речь 23.03.1933 в Берлине)

Что действительно необходимо в дальнейшем, так это изменение образовательной системы: сейчас наблюдается явный переизбыток отвлеченных знаний. И здесь ценится количество, а не качество. Всезнайство, которое чаще всего оказывается «липовым», – враг эффективной деятельности.

Помимо приобретения твердых практических знаний нам нужно развитие инстинктивного и воспитание воли.

(Речь 27.04.1923 в Мюнхене)

Задачей будущего должно стать восстановление прежнего гармоничного единства между разумом и чувством. Другими словами, должно вырасти поколение целостных людей, способных ясным разумом познавать вечные законы развития, сознательно стремясь пробудить в себе древнее инстинктивное знание.

(Прокламация 01.09.1933 в Нюрнберге)

Не в меньшей степени мы были настроены возобновить борьбу за оздоровление морали. И здесь мы также не ограничились одной лишь теорией. Трудно себе даже представить, в какой основательной чистке нуждалась Германия до того, как мы занялись ею несколько месяцев назад! Однако, очищение – длительный процесс, требующий продолжения.

(Речь 24.10.1933 в Берлине)

В то время, когда большинство привыкло недооценивать значение физического труда, мы хотим, путем введения трудовой обязанности, воспитать немецкий народ в сознании того, что физический труд не позорит, не лишает уважения, а, наоборот, в большей степени, чем любой другой вид деятельности, приносит честь и славу. Высокий смысл физической работы заключается в том, что именно в ней с особой ясностью проявляются такие качества, как трудолюбие и ответственность.

(Речь 01.05.1933 в Берлине)

Мы … создали службу труда, как средство преодоления безработицы - с одной стороны, и как метод перевоспитания разобщенного населения в единый народ - с другой.

(Речь 24.10.1933 в Берлине)

Вы действительно полагаете, что нашу молодежь, в которой заключено все наше будущее, и от которой мы все зависим, мы растим только для того, чтобы затем всю ее положить на полях сражений?

(Интервью 18.10.1933 в Берлине)

То, что немецкая молодежь вновь обрела чувство чести, наполняет мое сердце радостью.

(Интервью 18.10.1933 в Берлине)

Вы - плоть от плоти нашей, кровь от крови нашей, и в ваших сердцах живет тот же дух, что владеет и нашими сердцами!

(Речь 08.09.1934 в Нюрнберге)

Не бывает стабильного подъема, который не был бы одновременно укоренен и в национальной, и в народной, и в экономической жизни, в первую очередь - в крестьянстве.

(Речь 01.05.1933 в Берлине)

Спасение крестьянского сословия означает спасение немецкой нации.

(«Программа Адольфа Гитлера», призыв на выборы 31.07.1932)

Государство сможет, в конце концов, преодолеть всякую нестабильность, выдержать любой удар судьбы, если живо в нем здоровое крестьянство.

(Речь 05.04.1933 в Берлине)

Я вижу … в сохранении здорового крестьянства, и оказании ему всяческой поддержки, лучшую защиту от социальных болезней, а также и от расового упадка нашего народа.

(«Программа Адольфа Гитлера», призыв на выборы 31.07.1932)

Больше всего в своей жизни я гордился бы тем, если бы на закате своих дней мог сказать: Я отвоевал немецкого рабочего для немецкого государства!

(Речь 10.05.1933 в Берлине)

Моя борьба – за весь наш многомиллионный, добрый, честный, трудолюбивый народ–созидатель.

(Речь 10.11.1933 в Берлине)

Но истинный социализм – это учение о добросовестном исполнении своих обязанностей.

(Приложение к «Речам Адольфа Гитлера»: Изречения Адольфа Гитлера)

Если мы хотим сохраниться как единый народ, мы должны преодолеть разделяющее нас!

(Речь 04.03.1933 в Кенигсберге)

Истинный социализм – высшее проявление народности!

(Приложение к «Речам Адольфа Гитлера»: Изречения Адольфа Гитлера)

В тот день, когда обе идеи (национализм и социализм) сольются в одну, они станут непобедимы.

(Призыв на выборы 31.07.1932)

Они должны вновь научиться уважать друг друга, работники умственного и физического труда. Ни те, ни другие не могут существовать друг без друга. Они – единое целое, из которого и должен выкристаллизоваться новый человек – человек грядущего Германского Рейха.

(Речь 24.04.1923 в Мюнхене)

Следует особо отметить, что квалифицированный немецкий рабочий не знает себе равных в мире.

(Речь 01.05.1934 в Берлине)

Чего мы хотим, так это того, чтобы государство перестало быть раем для паразитов. Наше государство даст каждому именно то, на что он имеет право в точном соответствии с полезностью его деятельности для общества. Тот, кто не желает честно трудиться, вообще не заслуживает права быть гражданином.

(Речь 24.04.1923 в Мюнхене)

При этом мы идем (к устранению безработицы) таким путем, которому вряд ли найдутся исторические примеры.

(Прокламация 01.09.1933 в Нюрнберге)

Если гражданами государства являются только те люди, которые честно трудятся по мере своих возможностей на благо общества, тогда каждый из них имеет реальное право требовать, чтобы его государство оградило его в старости от нужды и забот. Лишь в этом случае государство способно полноценно выполнять свои социальные обязательства.

(Речь 24.04.1923 в Мюнхене)

III. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

Основная формула: не народ для экономики, и не экономика на службе у капитала, а – капитал служит экономике, и вместе они должны служить народу.

(Речь 30.01.1934 в Берлине)

Нельзя добиться кардинального роста производства, если следовать принципу, будто всякое проявление личной инициативы способно приносить лишь вред.

(Речь 16.05.1934 в Берлине)

Квалифицированность работников и компетентность руководителей являются решающими факторами любой экономики.

(Речь 06.07.1933 в Берлине)

Государство – не плантация для реализации интересов иностранного капитала! Капитал – не хозяин государства, а его слуга.

(Речь 24.04.1923 в Мюнхене)

«Акционирование» шло по нарастающей, и постепенно всей национальной экономикой стала дирижировать биржа. Музыку же в этом заведении заказывают … исключительно евреи.

(Речь 28.07.1922 в Мюнхене)

Я вижу … в одностороннем разрастании процентного и ссудного капитала медленное, но верное средство удушения нашей экономики, точно также как в одностороннем выпячивании «чисто экономического» принципа решения проблем - замаскированную петлю для постепенного удушения нашего народа!

(«Программа Адольфа Гитлера», призыв на выборы 31.07.1932)

Мы гарантируем защиту всех честных трудовых доходов, честно заработанных сбережений и собственности.

(Речь 21.03.1934 в Унтерхахинге)

Даже если погаснут доменные печи, вода затопит угольные шахты, огонь обратит города в пепел, - главное, чтобы выстоял создавший все это народ – сильный духом, невозмутимый, готовый бороться до конца! И если возродится немецкий народ, будет восстановлено и все остальное.

(Речь 21.08.1923 в Мюнхене)

Немецкий инженер и техник, наш физик и химик, - вот истинные первопроходцы этого мира.

(Речь 21.03.1934 в Унтерхахинге)

И это ни с чем не сравнимое чувство – сознавать, что тебе дарована счастливая возможность участвовать в таком деле, которое служит не чьим-либо эгоистическим интересам, и не является частным делом какого-либо лица, а, наоборот, делается общими усилиями всех, и еще многие века будет служить всем.

(Речь 21.03.1934 в Унтерхахинге)

IV. ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

Искусство – высокая миссия, обязывающая своих служителей к фанатизму.

(Речь 01.09.1933 в Нюрнберге)

Задача искусства – быть выразителем духа времени, определяющего нашу жизнь. Кровь и раса вновь станут источником художественного вдохновения.

(Речь 23.03.1933 в Берлине)

Борьба, которая с нарастающим ожесточением велась на протяжении последних десятилетий, была направлена против самой нашей культурной традиции как таковой; против всех форм выражения нашего, передающегося от поколения к поколению, самобытного творчества. И борьба эта была ни чем иным, как бунтом одной пришлой национальной группы, прочно обосновавшейся внутри нашего народа, но так и не научившейся уважать ни гостеприимных хозяев, ни их культуру. Нездоровая расовая психология данной группы населения изначально предопределила постоянный конфликт некоторых ее представителей с окружающей их иной национальной средой, без малейшей попытки взаимопонимания и преодоления своей культурной инородности. К сожалению, именно такие, не вполне адекватные, представители еврейской интеллектуальной элиты и занялись немецкой культурой, пытаясь переделать ее под себя.

(Речь 07.02.1934 в Берлине)

Нет … ничего удивительного в том, что каждая героическая эпоха сразу же стремится в своем искусстве перекинуть мост в не менее героическое прошлое. Древние греки и римляне оказались вдруг так близки германцам потому, что все три народа своими этническими корнями уходят в общую расовую основу. Так, благодаря расовому родству, бессмертные свершения древних народов вновь и вновь оказывают свое благотворное влияние на дела их потомков.

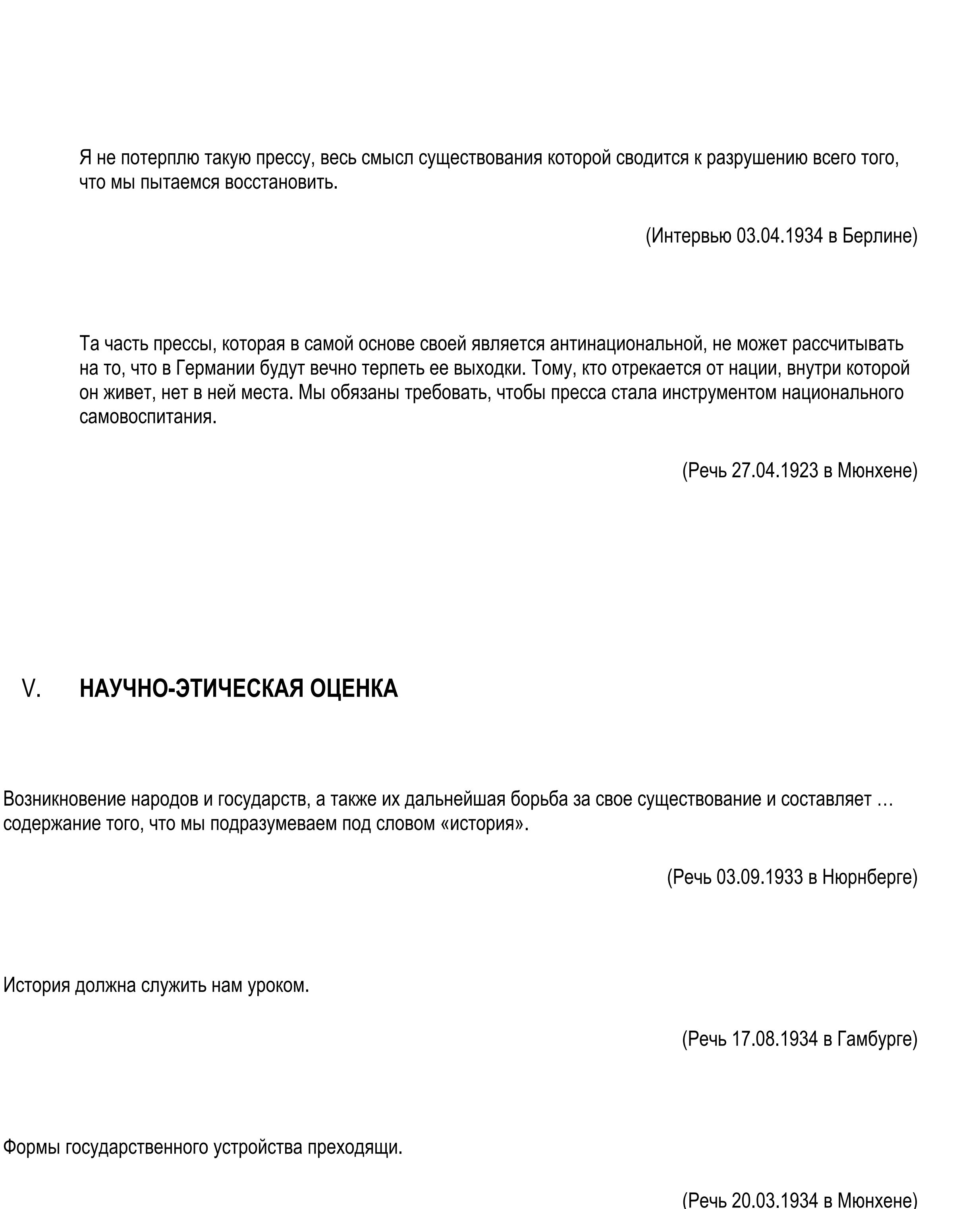
(Речь 01.09.1933 в Нюрнберге)

Нам нужно, наконец, провести реформу в области изобразительного искусства, литературы и театра. Правительству не мешало бы позаботиться о том, чтобы его народ не подвергался регулярному и целенаправленному отравлению. Требовать этого – естественное право народа, базирующееся на его сознании, на традиционном представлении о плохом и хорошем. То, что вредит народу, должно быть устранено.

(Речь 27.04.1923 в Мюнхене)

Очищение нашей культурной жизни от упаднических явлений не может не привести к реформе прессы, кино- и театральной жизни.

(Речь 30.01.1934 в Берлине)

Я не потерплю такую прессу, весь смысл существования которой сводится к разрушению всего того, что мы пытаемся восстановить.

(Интервью 03.04.1934 в Берлине)

Та часть прессы, которая в самой основе своей является антинациональной, не может рассчитывать на то, что в Германии будут вечно терпеть ее выходки. Тому, кто отрекается от нации, внутри которой он живет, нет в ней места. Мы обязаны требовать, чтобы пресса стала инструментом национального самовоспитания.

(Речь 27.04.1923 в Мюнхене)

V. НАУЧНО-ЭТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

Возникновение народов и государств, а также их дальнейшая борьба за свое существование и составляет … содержание того, что мы подразумеваем под словом «история».

(Речь 03.09.1933 в Нюрнберге)

История должна служить нам уроком.

(Речь 17.08.1934 в Гамбурге)

Формы государственного устройства преходящи.

(Речь 20.03.1934 в Мюнхене)

Во все времена требуются … жертвенность и мужество, храбрость и верность, вера и героизм. И те представители народа, которым свойственны эти качества, обязательно заявят о себе. Именно они делают историю.

(Речь 03.09.1933 в Нюрнберге)

Этот мир лишает слабохарактерные народы права на жизнь.

(Речь 09.11.1933 в Мюнхене)

Ограниченность ресурсов для обеспечения существования всегда была и будет источником межнациональных конфликтов.

(Речь 17.05.1933 в Берлине)

Возникновением государств и прогрессом человечество, в конечном итоге, обязано именно арийцам!

(Речь 28.07.1922 в Мюнхене)

Даже античные республиканцы, движимые своими твердыми государственническими убеждениями, в тяжелые времена прибегали к диктатуре. Когда на карту поставлено само выживание народа, тогда уже не годятся ни народные представительства, ни парламенты, ни местные самоуправления. Тогда могут спасти лишь сильные личности.

(Речь 04.05.1923 в Мюнхене)

Весь переменчивый ход истории последних ста пятидесяти лет должен был научить оба народа (французов и немцев) главным образом одному: никакое дальнейшее кровопролитие более не сможет дать серьезных и долговременных преимуществ ни одной из сторон.

(Речь 14.10.1933 в Берлине)

К сожалению, горькая правда заключается в том, что оба великих народа (немцы и французы) слишком часто в своей истории жертвовали кровью лучшей части своей молодежи на полях сражений. Я говорю от имени всего немецкого народа, когда заявляю, что все мы преисполнены искреннего желания искоренить былую вражду, приведшую к жертвам, несоизмеримыми ни с какими возможными победами или приобретениями.

(Речь 14.10.1933 в Берлине)

Бисмарк … считал, что судьбы народов определяются не решениями какого-либо большинства, не договорами, а только кровью и железом.

(Речь 28.07.1922 в Мюнхене)

Когда-то у нас был цветущий Рейх. Он был построен не на завоевании, не за счет чужих народов. Его процветание явилось результатом постоянного труда, несказанного усердия и неисчислимых забот наших собственных людей.

(Речь 01.05.1934 в Берлине)

Было время - мы были зажиточным, богатым народом. И все же внутренне мы были бедны, раздроблены и разобщены. Народ, который больше не знал, как должно распоряжаться своим богатством.

(Речь 18.06.1934 в Гере)

Цель Англии вечно остается неизменной: «балканизировать» Европу и установить здесь такое равновесие сил, при котором ничто не угрожало бы положению Англии, как мировой державы. Это не делает Англию принципиальным врагом Германии, однако и не позволяет упускать ее из вида, как весьма настойчивого претендента на главенствующую роль в Европе.

(Речь 27.03.1924 в Мюнхене)

И последнее из оставшихся на земле социальных государств (Германия) должно было быть разрушено. Ради этого двадцать шесть народов мира были хладнокровно натравлены друг на друга той самой прессой, которая практически вся находится в собственности только у одного всемирного народца (евреев), только у одной расы – смертельного врага любого национального государства!

(Речь 13.04.1923 в Мюнхене)

Это ложь, что в войне виновата Германия. Ни кайзер, ни правительство, ни народ этой войны не хотели!

(Речь 21.03.1933 в Потсдаме)

Вот уже два тысячелетия наш народ преследуем этим многоликим роком. Вновь и вновь нас настигают рецидивы упадка. Причины всегда одни и те же. Немец, поддавшийся внутренней слабости, утративший душевное равновесие, с распыленной волей и уже неспособный на поступок, становится бессилен бороться за свою собственную жизнь. Вот тут-то, как раз, и начинаются всякого рода абстрактные мечтания о правах, вместо практического их отстаивания. А тем временем, пока он витает в облаках, на земле у него выбивают почву из-под ног, и отбирают вполне конкретную собственность.

(Речь 21.03.1933 в Потсдаме)

Сумма лишений, мук и страданий, постигших миллионы семей рабочих и мелких служащих после 1918 года, столь велика, что Ноябрьским преступникам, ответственным за все это, не искупить своей вины никогда.

Поэтому сегодня им не стоит жаловаться на нас. Заслуженного ими сполна возмездия пока еще не последовало. Мстить поверженному врагу – не в наших традициях. Но если бы мы действительно захотели им отомстить – нам следовало бы ликвидировать их десятками тысяч!

(Речь 10.05.1933 в Берлине)

Версальский мирный договор – это не договор о мире. Как раз наоборот, он относится к той категории политических документов, в которых победители диктуют побежденным размеры и сроки выплаты грабительской дани. А такие «мирные договора» всегда несут в себе зародыш будущих войн.

(Открытое письмо от 14.10.1931 Брюнингу)

«Компенсации» есть ни что иное, как «законный способ» регулярно пить кровь из побежденного государства, сохраняя при этом видимость соблюдения права.

(Речь 04.05.1923 в Мюнхене)

С таким мирным договором никакое возрождение немецкого народа невозможно! Этот договор нужен для того, чтобы отправить на тот свет еще двадцать миллионов немцев и окончательно погубить немецкую нацию.

(Речь 17.04.1923 в Мюнхене)

Целью всякого честного договора, действительно рассчитанного на длительную перспективу, никак не может быть маниакальное стремление расковыривать старые раны или не давать затягиваться ранам свежим. Напротив, такой договор должен быть направлен на скорейшее рубцевание и исцеление этих ран.

(Речь 17.05.1933 в Берлине)

Величайшие мерзости в Германии творились во имя соблюдения условий Версальского мирного договора. Этот мирный договор ежегодно уносил жизни двадцати тысяч немцев. Этих людей просто лишали всех средств к существованию, не оставляя им ни малейшего шанса выжить, - и все ради того, чтобы, не дай Бог, не задержать выплату очередной порции дани победителям.

(Речь 24.10.1933 в Берлине)

Сумасбродные политические и экономические требования этого договора основательно подорвали веру немецкого народа в саму возможность существования инстанций, способных поддерживать справедливость в этом мире. Зато у многих миллионов людей этот фарс неизбежно должен был вызвать чувство ненависти к такому мировому порядку, при котором возможна постоянная диффамация и дискриминация великого народа

только за то, что однажды его постигло несчастье проиграть, после героического сопротивления, навязанную ему войну.

(Речь 30.01.1934 в Берлине)

Пролетарий хозяином так и не стал. На трон же низвергнутых королей и царей шустро вскарабкался галицийский еврей.

(Речь 10.04.1923 в Мюнхене)

Фашизм, принесший спасение итальянскому народу, явил всему миру пример великого исторического свершения.

(Прокламация 01.09.1933 в Нюрнберге)

В жизни народов бывают года, когда решается их судьба: быть иль не быть им во все времена.

(Речь 07.08.1934 в Берлине)

Кардинальные перемены в жизни народа не могут произойти, – я хотел сказать – почти никогда не могут произойти, - если в их основе не лежит насущная потребность в таких переменах. Невозможно совершить революцию, с действительно далеко идущими последствиями, если сам народ внутренне к ней не стремится.

(Речь 10.05.1933 в Берлине)

30 января 1933 года было не просто сформировано очередное правительство, а принципиально новая власть подвела черту под исчерпавшей себя больной эпохой.

(Речь 01.09.1933 в Нюрнберге)

Национальная социалистическая революция никогда бы не имела такого успеха, если бы не исходила из мировоззренческих основ.

(Речь 05.09.1934 в Нюрнберге)

Революции бывают разные. И когда я сравниваю то, что происходит у нас в Германии, с теми ужасами, которые творились, например, во времена Французской революции (1789 года), я с полным правом могу

сказать: мы-то, уж во всяком случае, не изобретали и не расставляли по всей стране гильотин, и не устраивали в Германии никаких Вандей! Мы ограничились тем, что изолировали от основной, здоровой, части нации лишь самые недостойные ее элементы. Мы были вынуждены сделать это, поскольку ни одна из тех стран, что регулярно выражают свою горячую обеспокоенность судьбой этих деятелей в нехорошей Германии, почему-то до сих пор так и не удосужилась пригласить их на жительство к себе. Будем по-прежнему рады предоставить их всех в чье угодно распоряжение.

(Речь 24.10.1933 в Берлине)

Как это уже не раз бывало в немецкой истории, чем тяжелей испытания, выпадающие на нашу долю, тем больше обнаруживается в немецком народе сил и решимости найти верный путь наверх и вперед.

(Речь 10.05.1933 в Берлине)

После пятнадцати лет отчаяния великий народ вновь обрел решимость бороться за свою жизнь, чтобы вернуть себе законное право устраивать ее по собственной воле, опираясь на собственные силы и в соответствии со своими собственными представлениями о ней.

(Речь 01.05.1934 в Берлине)

Мы чувствуем, что сегодня происходит борьба двух миров. И не только у нас. Она идет повсюду, куда ни бросишь взгляд: и в подавленной России, и в Италии, и во Франции, и в Англии, и во множестве других стран. Это – неумолимая борьба между ясными идеалами национальных, народно-патриотических убеждений и боящимися солнечного света идейками надгосударственного интернационала.

(Речь 28.07.1922 в Мюнхене)

История учит нас тому, что долгая жизнь суждена лишь тем народам, в которых сохранилась воля отстаивать свою жизнь и честь перед лицом суровой реальности этого мира.

(Речь 24.10.1933 в Берлине)

Когда о наших делах будут судить наши свободные потомки, - я знаю, - они сочтут нас достойными войти пантеон национальной истории. Они поймут и признают: Мы были первыми, кому, после тысячи лет недееспособности и недопонимания власти, все-таки удалось собрать всех немцев вместе, и вновь сплотить их в единый народ.

(Речь 20.03.1934 в Мюнхене)

Мировая история, по-прежнему, не столько преподносит нам пасторальные пейзажи нормального протекания и мирного окончания жизни народов, сколько рисует жестокие сцены их критических лет.

(Речь 05.09.1934 в Нюрнберге)

Уже само слово «мировоззрение» торжественно провозглашает намерение заложить в основу каждого своего поступка совершенно определенное исходное видение этого мира, очевидную и предсказуемую тенденцию. Такое видение может оказаться как верным, так и ложным: Оно – исходный пункт формирования собственной позиции по отношению ко всем явлениям и процессам жизни, и, таким образом, связующий и обязующий закон для всякого действия. И чем более это видение согласуется с естественными законами органической жизни, тем больше пользы для жизни народа приносит практическое его применение.

(Речь 01.09.1933 в Нюрнберге)

Все известные в истории мировоззрения могут быть по-настоящему поняты только в их неразрывной связи с ценностной ориентацией и видением жизни у определенных рас. При этом очень непросто бывает, порой, установить степень правильности или неправильности различных взглядов на жизнь, а также и определится в своем отношении к ним, без того, чтобы не выяснить сначала, каковы их реальные последствия для конкретных людей.

(Речь 01.09.1933 в Нюрнберге)

То, что, может быть, доступно лишь научному анализу узкого круга интеллектуалов с философским складом ума, естественный человек инстинктивно чувствует душой.

(Речь 08.09.1934 в Нюрнберге)

Горе, если сегодня в нашем народе угаснет этот идеализм, и если ценность личности человека будет вновь измеряться по количеству жизненных благ, которые он смог для себя урвать. Народ, у которого дела обстоят именно так, и сам недорогого стоит, и благополучие его может оказаться весьма недолговечным!

(Речь 01.05.1933 в Берлине)

Слова Ницше о том, что удар, нанесенный сильному человеку, не опрокинет его, а только сделает еще сильнее, находят свое тысячекратное подтверждение.

(Речь 03.09.1933 в Нюрнберге)

Так … каждой великой политической эпохе в мировой истории приходится доказывать свое право называться таковой. И самым наглядным из всех существующих доказательств ценности того или иного исторического периода являются его культурные достижения.

(Речь 01.09.1933 в Нюрнберге)

Народ остается поверженным до тех пор, пока его голова и руки не начнут вновь действовать согласованно.

(Речь 12.04.1922 в Мюнхене)

Немецкий народ следует вновь и вновь … возвращать к твердому осознанию некоторых непреложных истин: нельзя позволить снова перессорить нас друг с другом; нельзя позволить внешнему дробить наше внутреннее единство; нельзя бросать друг друга в беде. Мы должны держаться вместе, даже если порою кажется, что вернее спасаться в одиночку. Будущее сокрыто от нас, но опыт прошлых веков служит нам постоянным напоминанием – надежда на возрождение остается с нами до тех пор, пока единая нация окончательно не растворилась в пестром населении, раздираемом противоречиями. Сохранение народности, этого бесценного дара прошлого настоящему, – залог того, что мы обязательно отыщем дорогу в будущее!

(Речь 10.05.1933 в Берлине)

Все средства воспитания, - театр, кино, литература, пресса, радио, - призваны служить сохранению чувства вечности, живущего в душе немецкого народа.

(Речь 23.03.1933 в Берлине)

Отравление и разложение народного организма средствами культурного большевизма едва ли не более губительно, чем последствия политического и экономического коммунизма.

(«Программа Адольфа Гитлера», призыв на выборы 31.07.1932)

Величие народа во все времена определялось общим масштабом свершений всех его великих людей.

(Речь 06.03.1934 в Лейпциге)

Немецкому народу не нужна война, немецкий народ хочет покоя и работы для каждого, хочет быть «счастливым на свой манер».

(Речь 09.11.1933 в Мюнхене)

Необходима … кардинальная реформа правовой системы. Сегодняшнее право – это только право одного. Оно в принципе не предполагает защиты расы, защиты народной общности. Оскорбление национальной чести, унижение национального достоинства – ненаказуемы. Право, настолько удаленное от самого понятия народной общности, явно нуждается в реформировании.

(Речь 27.04.1923 в Мюнхене)

Когда правительство решительно берется за обуздание политического и морального отравления общественной жизни, оно создает и укрепляет предпосылки для действительно глубокого вхождения религии в жизнь.

(Речь 23.03.1933 в Берлине)

Правительство Рейха видит в христианстве непоколебимый фундамент морали и нравственности народа.

(Речь 23.03.1933 в Берлине)

Не мы, а те, кто был у власти до нас, духовно отдалились от христианства. Мы же провели чисто формальное разделение политики, занимающейся делами земными, и религии, которой должно заниматься делами небесными.

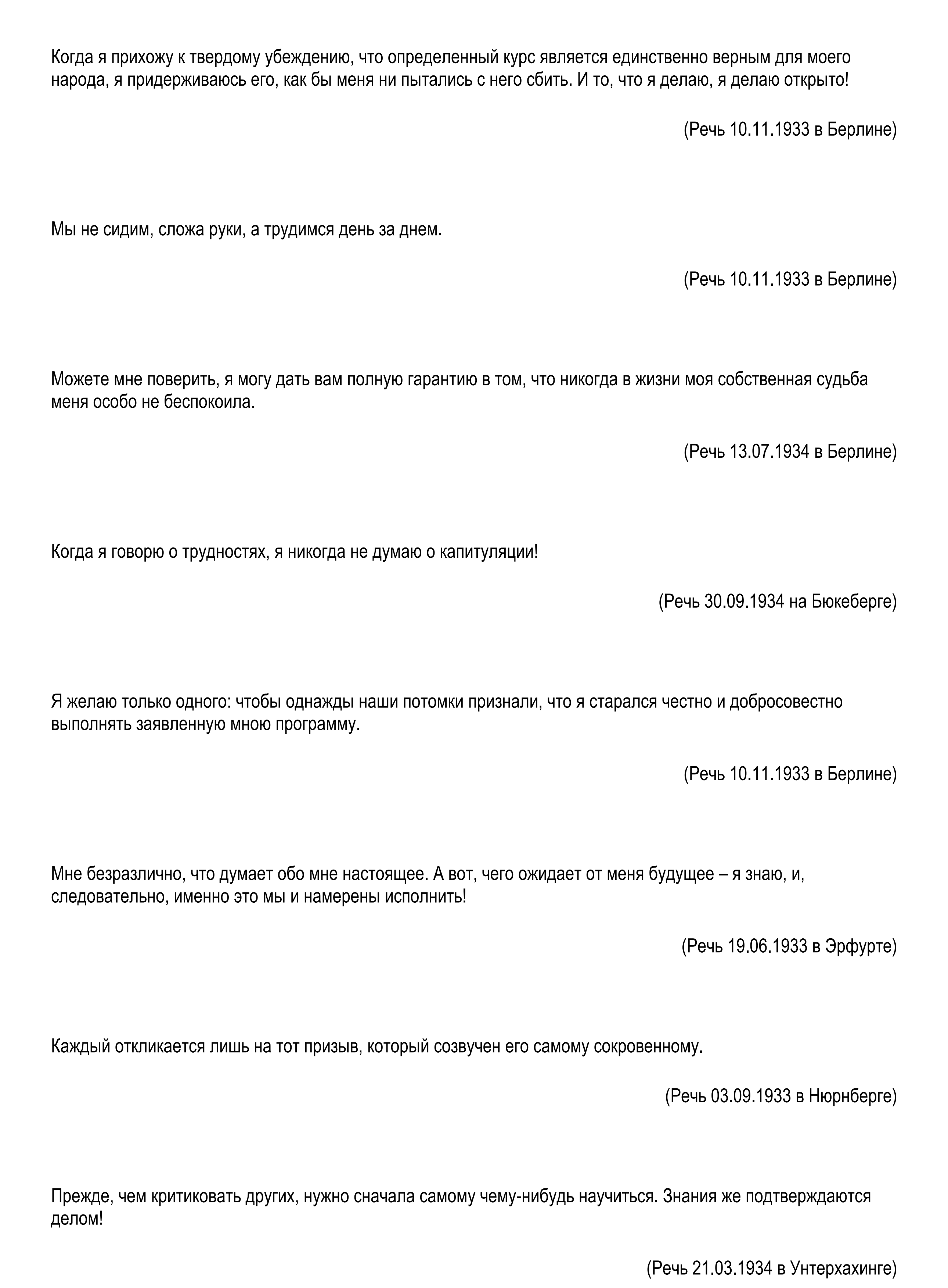
(Речь 27.08.1934 на Эренбрайтштайне)

И прежде всего мы извлекли священников из стихии низменных межпартийных склок, и вернули их в церковь. Мы не хотим, чтобы священники вновь оказывались в этой, для них отнюдь не предназначенной, области деятельности, поскольку пребывание там неизбежно унижает их сан и противопоставляет их миллионам верующих людей, для которых неприемлем сам образ пастыря, служащего не Богу, а политической партии!

(Речь 24.10.1933 в Берлине)

Я твердо убежден, что большая часть немецкой нации в эти дни ноября-декабря 1918 года, как и в 1919 году, несомненно понимала, что если Германия будет продолжать придерживаться прежнего курса в своей внутренней политике, ее неминуемо постигнет скорая и сокрушительная катастрофа в политике внешней. И это была та точка зрения, которая совпадала с моей. Но была и некоторая разница. Я сказал себе тогда: Мало просто сознавать, что мы гибнем. Гораздо более важно разобраться – почему! Однако, и этого было бы недостаточно. Надо – начать сопротивляться этому разрушительному развитию событий и создать необходимый для этого надежный инструмент.

(Доклад 27.01.1932 в Дюссельдорфе)

Когда я прихожу к твердому убеждению, что определенный курс является единственно верным для моего народа, я придерживаюсь его, как бы меня ни пытались с него сбить. И то, что я делаю, я делаю открыто!

(Речь 10.11.1933 в Берлине)

Мы не сидим, сложа руки, а трудимся день за днем.

(Речь 10.11.1933 в Берлине)

Можете мне поверить, я могу дать вам полную гарантию в том, что никогда в жизни моя собственная судьба меня особо не беспокоила.

(Речь 13.07.1934 в Берлине)

Когда я говорю о трудностях, я никогда не думаю о капитуляции!

(Речь 30.09.1934 на Бюкеберге)

Я желаю только одного: чтобы однажды наши потомки признали, что я старался честно и добросовестно выполнять заявленную мною программу.

(Речь 10.11.1933 в Берлине)

Мне безразлично, что думает обо мне настоящее. А вот, чего ожидает от меня будущее – я знаю, и, следовательно, именно это мы и намерены исполнить!

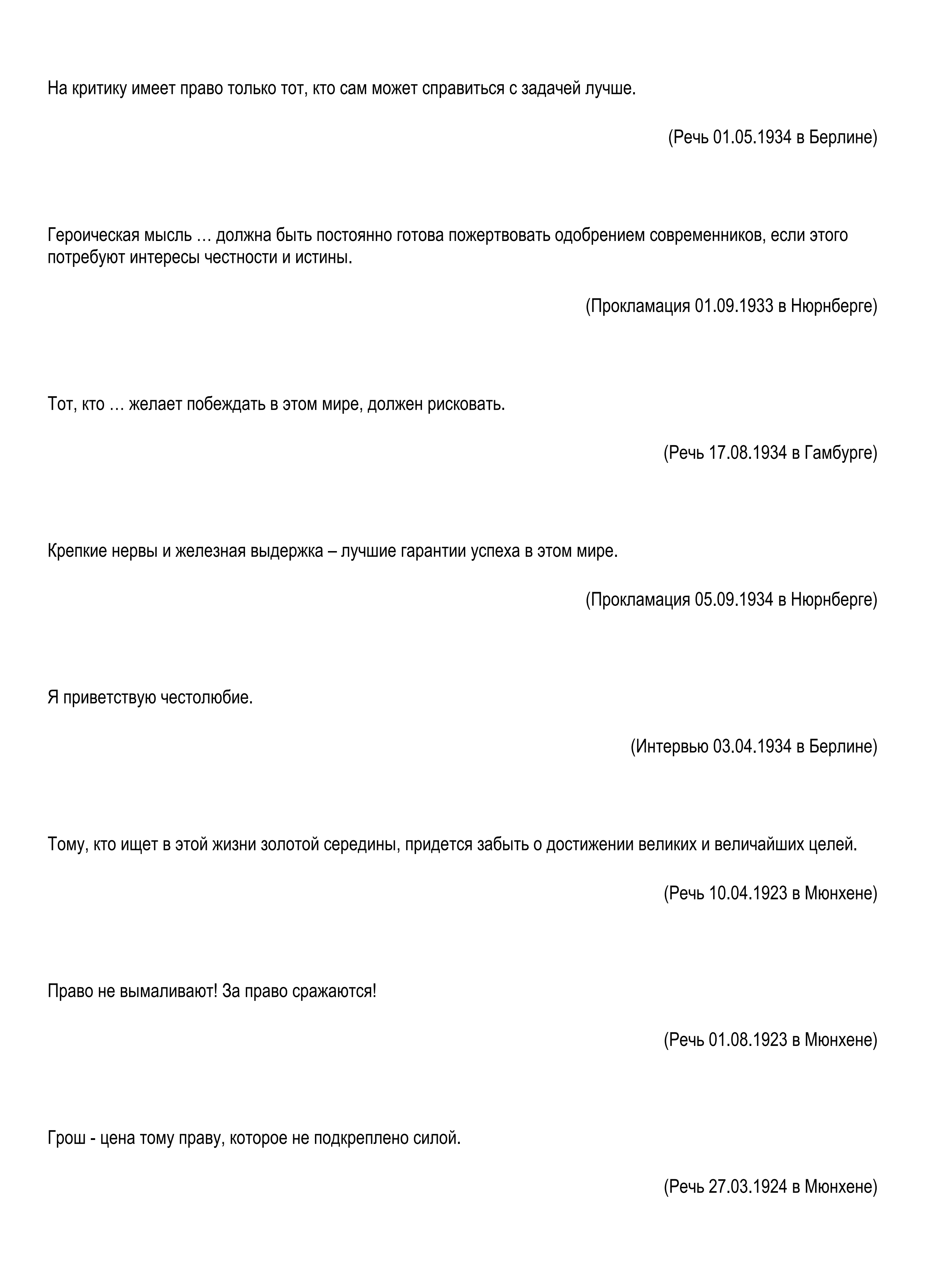
(Речь 19.06.1933 в Эрфурте)

Каждый откликается лишь на тот призыв, который созвучен его самому сокровенному.

(Речь 03.09.1933 в Нюрнберге)

Прежде, чем критиковать других, нужно сначала самому чему-нибудь научиться. Знания же подтверждаются делом!

(Речь 21.03.1934 в Унтерхахинге)

На критику имеет право только тот, кто сам может справиться с задачей лучше.

(Речь 01.05.1934 в Берлине)

Героическая мысль … должна быть постоянно готова пожертвовать одобрением современников, если этого потребуют интересы честности и истины.

(Прокламация 01.09.1933 в Нюрнберге)

Тот, кто … желает побеждать в этом мире, должен рисковать.

(Речь 17.08.1934 в Гамбурге)

Крепкие нервы и железная выдержка – лучшие гарантии успеха в этом мире.

(Прокламация 05.09.1934 в Нюрнберге)

Я приветствую честолюбие.

(Интервью 03.04.1934 в Берлине)

Тому, кто ищет в этой жизни золотой середины, придется забыть о достижении великих и величайших целей.

(Речь 10.04.1923 в Мюнхене)

Право не вымаливают! За право сражаются!

(Речь 01.08.1923 в Мюнхене)

Грош - цена тому праву, которое не подкреплено силой.

(Речь 27.03.1924 в Мюнхене)

Говоря о правах, не стоит не забывать и об обязанностях!

(Речь 10.05.1933 в Берлине)

Ничто великое в этом мире не доставалось человеку даром. Всего добиваются в тяжелой борьбе.

(Речь 01.05.1933 в Берлине)

Тот, кто хранит такую верность своему народу, имеет право рассчитывать на такую же ответную верность!

(Речь 06.08.1934 в Берлине)

Адольф Гитлер